

УДК 82-311.2
ББК 83.3(2)6

DOI: 10.31862/1819-463X-2021-6-28-34

О ГЕНЕЗИСЕ МОТИВА ПРЕВРАЩЕНИЯ В РОМАНЕ «ГАДКИЕ ЛЕБЕДИ» А. Н. И Б. Н. СТРУГАЦКИХ

А. В. Кузнецов

Аннотация. В статье исследуется социопедагогическая проблематика романа А. Н. и Б. Н. Стругацких «Гадкие лебеди»: эволюционный рывок вундеркиндов и вызванный им разрыв поколений. В произведении этот рывок уподобляется превращению утенка в лебедя – аллегории, восходящей к фольклорным и литературным сюжетам, и соотносится с процессом взросления каждого индивида. Обосновывается гипотеза об использовании средневекового сюжета о рыцаре Лебедя в романе об инициации школьников в условиях распада диалога между поколениями и педагогической работы «мокрецов» – людей из будущего. Сюжет о рыцаре Лебедя (имеющий фольклорное происхождение) служит для выражения негативного отношения главного героя к своему прошлому и невозможности его изменения. Выдвигается идея, что связанные с мотивом превращения аллюзии подчеркивают положение героя на грани между антагонистическими социальными группами.

Ключевые слова: А. Н. и Б. Н. Стругацкие, «Гадкие лебеди», социальная фантастика, социальная педагогика, мотив превращения, рыцарь Лебедя.

Для цитирования: Кузнецов А. В. О генезисе мотива превращения в романе «Гадкие лебеди» А. Н. и Б. Н. Стругацких // Наука и школа. 2021. № 6. С. 28–34. DOI: 10.31862/1819-463X-2021-6-28-34.

THE TRANSFORMATION MOTIF IN THE A. N. AND B. N. STRUGATSKY NOVEL “UGLY SWANS”

А. V. Kuznetsov

Abstract. The article examines the sociopedagogical problems of the novel „Ugly Swans” by A. N. and B. N. Strugatsky, the evolutionary breakthrough of wonderkids and the generation

© Кузнецов А. В., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

gap caused by it. This change is likened to the transformation of a duckling into a swan – an allegory that goes back to folklore and literary plots, and correlates with the process of growing up of each individual. The author substantiates the hypothesis about the use of the medieval plot about the Swan Knight in the novel about the initiation of students in the conditions of the collapse of the dialogue between generations and the pedagogical work of “slimes” – people from the future. The plot about the Swan Knight (which has a folklore origin) serves to express the negative attitude of the main character to his past and the impossibility of changing it. The author considers that the allusions connected with the motif of transformation emphasize the position of the hero on the border between antagonistic social groups.

Keywords: Strugatsky, “Ugly Swans”, social pedagogics, transformation motif, Swan knight.

Cite as: Kuznetsov A. V. The transformation motif in the A. N. and B. N. Strugatsky novel “Ugly swans”. *Nauka i shkola*. 2021, No. 6, pp. 28–34. DOI: 10.31862/1819-463X-2021-6-28-34.

«Вечные» проблемы воспитания и отношений поколений стали ключевыми в развитии общества в период научно-технологической революции середины – второй половины XX в. Мотив превращения в европейской культуре, как правило, имплицитно связан с древним ритуалом инициации и символизирует обновление и преобразование человека [1, с. 39], в романе «Гадкие лебеди» (1967) он служит выражению данных проблем. В работе мы используем мотивно-сюжетный анализ (подробное описание метода и примеры см. в сборнике «Сюжетологические исследования», подготовленном Сибирским отделением РАН [2]).

Сопоставление людей с лебедями обращает нас, прежде всего, к фольклору и литературе до Нового времени. Ограничивая объект исследования, ставим себе целью рассмотреть романский мотив превращения человека в лебедя в аспекте фольклорных и литературных сюжетов, которые обнаруживаются в тексте произведения на уровне реминисценций и аллюзий. Хотя обращение к фольклору и древним сюжетам в творчестве

Стругацких замечалось и ранее¹, роман «Гадкие лебеди» редко оказывается в поле зрения исследователей².

При этом связь «Гадких лебедей» с фольклорными и литературными сюжетами уже отмечалась. Так, комментаторами к полному собранию сочинений указана контаминация названий произведений малой прозы Х. К. Андерсена «Дикие лебеди» и «Гадкий утенок» [5, с. 315], что вполне очевидно.

В «Гадких лебедях» буквальное изменение происходит в конце произведения: дети за два дня становятся молодыми людьми [6, с. 179]. Необыкновенно быстрое взросление случается и в фольклорных произведениях, и средневековой литературе, но для «Гадких лебедей» характерно отсутствие всякого указания, каким образом случился возрастной переход. Он представлен читателю как данность, и в этом факте ярко проявилось творческое устремление авторов не давать объяснений [7, с. 303].

Однако первое, условно говоря, превращение дано раньше: «Голем сказал, ни к кому не обращаясь: “Бедный

¹ Например, см. статьи А. Д. Бакалюк о «Понедельник начинается в субботу» (роман 1964 г.) [3, с. 10], Н. Н. Калашникова о фольклоре в «Улитке на склоне» (повесть 1965 г.) [4].

² Однако заметим статью В. Д. Бедерсона о политических сообществах и городской среде в романах Стругацких [3, с. 67–70].

прекрасный утенок!»¹ – и далее отмечено, что «на секунду Виктор ощутил сожаление. Всплыло и исчезло воспоминание о каких-то огромных упущенных возможностях» [6, с. 157]. Так, в виде фигуры речи показано уподобление большинства персонажей-взрослых утятам в силу их несовершенства, неразвитости в полную меру. Кто же, по мнению авторов, лебедь? Об этом сказал Б. Н. Стругацкий в офлайн-интервью: «Мы сами считали, что “гадкие лебеди” – это именно мокрецы, люди будущего, изуродованные нашим с вами настоящим» [6, с. 315]. Собственно, превращение необычных детей в не менее необычных взрослых следует рассматривать именно в силу связи детей с мокрецами и проектировании поколения странными учителями из будущего.

Заметим, что само слово «мокрец» используется авторами не в его прямом значении. Согласно словарю, мокрец – это мелкое кровососущее насекомое, разновидность гнуса. Само наименование необычных людей указывает на их странную, полусказочную природу².

Для понимания авторского значения слова «мокрец» вспомним «Сказку о царе Салтане...» А. С. Пушкина. Обращение фантастов к ней в меньшей степени связано с мотивом превращения в лебедя (собственно, в сказке превращение обратное: из лебедя в царевну), сколько с другими элементами сюжета:

- это ускоренное взросление Гвидона («И растет ребенок там / Не по дням, а по часам» [8, с. 115], о резком

превращении детей во взрослых в романе было упомянуто выше);

- превращение главного героя сказки в комара с помощью брызг морской воды [8, с. 123], подобно которому Виктор Банев в одном из эпизодов думает, что превращается в мокреца [6, с. 154–155].

Таким образом, через пушкинский код эрудированному читателю сообщается, что мокрец – это измененный, превращенный в нечто иное человек. А шекспировский код указывает на упущенную Виктором Баневым возможность стать мокрецом. Так, при посещении школы он сообщает о себе собравшимся школьникам: «– Я учился в этой самой гимназии, – начал Виктор, – и на этой самой сцене мне пришлось однажды играть Озрика. Роли я не знал, и мне пришлось сочинять ее на ходу. Это было первое, что я сочинил в своей жизни не под угрозой двойки» [6, с. 46]. Озрик – это второстепенный персонаж «Гамлета». При его появлении Гамлет спрашивает у Горация: “Dost know this *water-fly*?” («Знаешь ли ты эту *мошку*?»). – Перевод и курсив наш. – А. К.) [9, с. 709]). Иными словами, опыт в школьной самодеятельности сподвиг Виктора Банева стать писателем и открыл перед ним еще более широкие перспективы преображения себя, однако он остался в состоянии «бедного прекрасного утенка».

Вслед за Шекспиром, обратимся к аллюзиям из средневековой литературы и фольклора. Для европейского фольклора характерна группа сказок о превращении детей в лебедей. Например, ирландская сказка о детях Лира, входившую в цикл о

¹ Эта фраза возникла еще в самых первых черновиках (в записи от 16 января 1966 г., при создании синопсиса), и неизменно оставалось, что говорит ее Юл Голем. Изначально она звучала как обращенная ко всем: «Бедные прекрасные утята» [6, с. 186]. В предпоследнем варианте она звучала как «Бедный мускулистый прекрасный утенок!» – и через три строчки повесть должна была заканчиваться [6, с. 209]. Судя по тому, что она переживала многочисленные правки произведения, авторы считали ее важной для воплощения замысла романа.

² Есть и другой случай обращения соавторов-фантастов к «Сказке о царе Салтане...». Гвидон, заточенный с матерью в бочке, ищет «Как бы здесь на двор окошко / Нам проделать» [8, с. 316] и выйти из нее, а в «Гадких лебедях» есть похожий эпизод с более прозаическим содержанием: «Доктор Р. Квадрига приближался. Спереди он был весь мокрый, вероятно, его отмывали над раковиной. Выглядел он утомленным и разочарованным. – Черт знает что, – брезгливо сказал он еще издали, – никогда со мной такого не бывало – нет входа! Куда ни ткнусь – везде сплошные окна...» [6, с. 35] – здесь ирония возникает из аллюзии на пушкинскую сказку.

детях Миля [10, с. 111]. Ее сюжетная схема и основные мотивы в соотношении с понятием «функции», примененным В. Я. Проппом к сюжету волшебной сказки, выглядят следующим образом:

Лир женится, у него рождаются одна дочь и трое сыновей. Жена Лира умирает, Лир женится на ее сестре (начальная ситуация).

Мачеха не любит детей и решает их погубить (вредительство – 8).

Мачеха превращает детей в лебедей и определяет срок и условие их превращения в людей (недостача – 8-а).

Лир узнает правду, мачеху наказывают. По прошествии срока и выполнении условия лебеди превращаются в людей (ликвидация недостачи – 19) [10, с. 112].

Также мотив превращения детей в лебедей возникает в «сюжете о рождении рыцаря Лебедея». Самые ранние жесты о рождении рыцаря Лебедея сложены в XII в. на территории Льежа или Фландрии («Элоикс» и более поздняя – «Беатрикс»). По мнению Н. Сумцова, автора статьи о рыцаре Лебедея для Энциклопедии Брокгауза и Евфрона, сюжет этой легенды мог вдохновить А. С. Пушкина на «Сказку о царе Салтане...» [11], а потому с ним могли быть знакомы и Стругацкие. Современные исследователи тоже указывают на сходство пушкинской сказки и «сюжета о рыцаре Лебедея»; он мог быть почерпнут русским поэтом из имеющейся у него дома «Всеобщей библиотеки романов» [12].

Исследователи сходятся во мнении, что в основе «сюжета о рождении рыцаря Лебедея» лежит сюжет о детях-лебедах, который бытовал на европейской территории в фольклорном виде, прежде чем вошел во французские поэмы [10, с. 111]. Действительно, если выделить во всех

версиях сюжета общие мотивы, то получившаяся сюжетная схема может быть легко соотнесена со схемой сюжета волшебной сказки по Проппу:

Король женится на женщине из иного мира, свекровь не любит невестку (начальная ситуация).

Свекровь крадет детей невестки (вредительство – 8).

У детей отнимают цепочки, и они становятся лебедями (недостача – 8-а) [10, с. 111]³.

Заметим, что уже в фольклорных сюжетах заложен бытовой конфликт между «взрослыми»: этот элемент сохраняется и в «Гадких лебедях» в семье главного героя: Виктор Банев и Лола не хотят воспитывать Ирму [6, с. 7–9]. В сюжете о рыцаре Лебедея, как правило, именно в силу связанности матери детей с иным миром трактуется необычность детей: мать может быть феей или связанной с ними или иначе соотнесена с природным миром. Так или иначе, факт появления таких детей описывается как чудо, а иной мир не подается как враждебный [10, с. 112–113]. И рыцарь Лебедея получается двойственной фигурой: он принадлежит одновременно материальному миру и своим происхождением связан с каким-то другим [13, с. 879]. Собственно, в фантастическом романе подобная амбивалентность присуща и главному герою: он не любит свое прошлое, живет настоящим и боится иметь представления о будущем, однако, оно ему все же несколько интересно [6, с. 109]. Он не принадлежит будущему, но хочет изменять настоящее – оттого он оказывается на границе между другими взрослыми и мокрецами, находит контакт с теми и другими.

Это же положение между двумя социальными группами иронически изобра-

³ Поскольку русскоязычного издания французских шансон де жест о Рыцаре Лебедея все еще нет, мы вынуждены верить исследователю, написавшему о нем ряд статей и затем защитившему диссертацию. Сюжет о рыцаре Лебедея, впрочем, указан в издании Энциклопедии Брокгауза и Евфрона [11], и есть дореволюционные русские издания. Например, Балобанова Е. В. Рейнские легенды // [Соч.] Е. Балобановой. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1897. 257 с. В ней есть легенда под названием «Лебединая башня» о спасении рыцарем Лебедем женщины от нежеланного брака.

жено, когда Виктор Банев на минуту решил, что превращается в мокреца: «В зеркале он увидел свое лицо – мятое, слегка обрюзгшее, с неестественно большими неестественно черными глазами. Ну, вот и все, подумал он, ну вот и все, Виктор Банев, пьяница и хвастун» [6, с. 154–155]. Авторы с явной иронией показывают, как он примеряет на себя существование в качества иного существа, однако потом героя ждет разочарование: это оказалась крапивница, вызванная переяданием земляники [6, с. 155–156]. Словом, герой неизменно нащупывает границу между двумя социальными группами и идейными представлениями, которые их связывают – этой пограничностью существования он и похож на рыцаря Лебедея.

Заметим и другие сходства: рыцарь Лебедея в одной из жест отправляется в крестовый поход. В фантастическом романе Виктор Банев имеет боевое прошлое: он участвовал в большой войне, куда «пошел добровольцем в гусары» [6, с. 61]¹. Как и рыцарь Лебедея, он появляется в месте действия как бы случайно (есть лишь намек, что ему не следовало оставаться в столице [6, с. 18]) и не имеет четкой цели. В наиболее частых вариациях сюжета рыцарь Лебедея спасает женщину от нежеланного брака. Виктор Банев же, хотя он давно не живет с женой, имеет любовницу и не участвует в воспитании дочери, выслушивает просьбу своей жены устроить их дочь в школу-пансион – тем самым оба персонажа неизбежно оказываются вовлечены в конфликт из-за внешних обстоятельств, связанных с институтом брака. Рыцарь Лебедея не имеет подходящего рыцарю обучения (навыкам боя, куртуазного обхождения), но он выигрывает сражение божественным вмешательством. Виктор же имеет не только армейский опыт, но и участвовал в уличных

драках [6, с. 48–49] и в целом отказывается от навязываемых представлений: «Не понимать – это моя прерогатива. В этом мире все слишком уж хорошо понимают, что должно быть, что есть и что будет. И большая нехватка в людях, которые не понимают. Вы думаете, почему я представляю ценность? Только потому, что я не понимаю» [6, с. 145–146].

Таким образом, мы отмечаем близость фантастического романа с «сюжетом о рыцаре Лебедея» и творческую обработку этого сюжета. Фантасты имели богатую библиотеку и оба достаточно хорошо владели английским, что дает основание предполагать чтение произведения либо в русском издании, либо иноязычном. Боевой опыт Виктора Банева вызывает у него самого иронию и уж точно не кажется подвигами ради благого дела [6, с. 18, 61]. Мотив превращения в лебедея лишается чудесной природы и скорее выглядит как что-то жуткое и противоестественное («словно в лицо ему расхоталась кошка» [6, с. 14]). Авторам удается показать тем самым жуткие для взрослых персонажей изменения детей.

Превращение в лебедей осознается именно как двойственное: это и фигура речи, и действительное изменение (правда, в необычных взрослых), и эта двойственность возникает еще в самой контаминации названий произведений Х. К. Андерсена: сочетание сюжетов (тема взросления в «Гадком утенке» и превращения детей в лебедей в «Диких лебедях») в силу сверхъестественных причин создает именно ощущение двойственной природы показанных в романе мокрецов и детей, в их оценке взрослыми и даже собственном поведении. Эта двойственность показывает противоречивое отношение к возрастающему поколению: оно сильно отличается от своих родителей, и потому их пугает, но за ним стоит будущее (и они обещают построить

¹ Разумеется, более очевидны биографические параллели: весь выпуск 2-го Бердичевского артиллерийского училища, откуда А. Н. Стругацкого перевели в июне 1943 г. в ВИИЯ, отправился тем же летом на Курскую Дугу [14, с. 37].

лучший мир, пусть и для себя [6, с. 60]). Оксюморонное название романа отражает это противоречие в отношении к детям и людям будущего в целом. Восприятие названия и романа в целом неизбежно должно строиться на когнитивном отстранении, то есть осознанно необычном изображении данности [15, р. 184].

Таким образом, мотив превращения в романе связан с идеей о переходе человека в качественно новое состояние. В «Гадких лебедях» идет речь об эволюционном рывке вундеркиндов, разрыве поколений и распаде диалога между вошедшими взрослыми (писатель Виктор

Банев) и послевоенным поколением. Мотив превращения человека в мокреца строится на использовании слов «утенок» и «лебедь», отчего возникает метафора, восходящая к средневековому «сюжету о рыцаре Лебедя» и фольклорным мотивам превращения лебедя в человека и человека в мышку. Эти мотивы поддерживаются литературными аллюзиями в описании жизни героя-писателя. Вопреки личному опыту общения братьев-фантастов с детьми-вундеркиндами, в романе они сочли необходимым обозначить социальный конфликт между поколениями и тревогу касательно будущего взрослых.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Пропн В. Я.* Исторические корни волшебной сказки / науч. ред., текстолог. коммент. И. В. Пешкова. М.: Лабиринт, 2000. 336 с.
2. Сюжетологические исследования. URL: <https://sv-scena.ru/Buki/Syuzhyetologicheskiye-isslyedovaniya.1.html#Q70-69-Syuzhyetologicheskiye-isslyedovaniya> (дата обращения: 05.06. 2021).
3. *Бакалюк А. Д.* Фольклорные элементы в повести А. и Б. Стругацких «Понедельник начинается в субботу» // Вестн. науч. о-ва студентов, аспирантов и молодых ученых. 2018. № 2. С. 10–18.
4. *Калашиников Н. Н.* Лиловый туман в повести А. и Б. Стругацких «Улитка на склоне» в свете фольклора и литературы. URL: <http://www.rusf.ru/abs/rec/kalash03.htm> (дата обращения: 05.06. 2021).
5. *Курильский В., Муринский Р., Рудман Л.* Комментарии и примечания // Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н. Полное собрание сочинений: в 33 т. Т. 11: 1967. Ч. 1. СПб.: Изд-во Сидорович, 2018. С. 315–341.
6. *Стругацкий А. Н., Стругацкий Б. Н.* Полное собрание сочинений: в 33 т. Т. 11: 1967. Ч. 1. СПб.: Изд-во Сидорович, 2018. 352 с.
7. Неизвестные Стругацкие. Письма. Рабочие дневники. 1963–1966 гг. / сост. С. П. Бондаренко, В. М. Курильский. Киев: НКП, 2009. 637 с.
8. *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений: в 10 т. М.; Л., 1949. Т. 10. 349 с.
9. The Complete works of William Shakespeare. The Shakespeare Head Press, Oxford, ed., 2007. 1263 p.
10. *Попова О. В.* Мотив превращения детей в лебедей и его трансформация в «сюжете о рождении рыцаря с лебедем» // Вестник РГГУ. Сер.: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2016. № 2 (2). С. 110–118.
11. *Сумцов Н.* Рыцарь Лебедь // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. URL: https://gufo.me/dict/brockhaus/Рыцарь_Лебедь (дата обращения: 05.06. 2021).
12. *Власов С. В.* Некоторые французские и итальянские параллели к «Сказке о царе Салтане...» А. С. Пушкина во «всеобщей библиотеке романов» (bibliothèque universelle des romans) (1775–1789) // Мир русского слова. 2013. № 3. С. 67–74.
13. *Попова О. В.* Воспитание героя во французских средневековых поэмах о рыцаре с лебедем // Вестн. Удмуртского ун-та. Сер.: История и филология. 2018. Т. 28, № 6. С. 877–882.
14. *Скаландис А.* Братья Стругацкие. М.: АСТ, 2008. 702 с.
15. *Davis R. D., Yaszeh L.* Reading Science Fiction's Interdisciplinary Conversation with Science and Technology Studies // Reading Science Fiction. Ed. J. Gunn, M. S. Barr, M. Candelaria. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2009. P. 181–194.

16. Бедерсон В. Д. Политические сообщества в условиях городской среды: сквозь призму фантастики (на примерах романа «Град обреченный» и повести «Гадкие лебеди» А. Н. и Б. Н. Стругацких) // Вестн. Пермского ун-та. Политология. 2011. № 1 (13). С. 65–70.

REFERENCES

1. Propp V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoy skazki*. Moscow: Labirint, 2000. 336 p.
2. Syuzhetologicheskie issledovaniya. Available at: <https://sv-scena.ru/Buki/Syuzhetologicheskiye-isslyedovaniya.1.html#Q70-69-Syuzhetologicheskiye-isslyedovaniya> (accessed: 05.06. 2021).
3. Bakalyuk A. D. Folklornye elementy v povesti A. i B. Strugatskikh “Ponedelnik nachinaetsya v subbotu”. *Vestn. nauch. o-va studentov, aspirantov i molodykh uchenykh*. 2018, No. 2, pp. 10–18.
4. Kalashnikov N. N. Lilovyy tuman v povesti A. i B. Strugatskikh “Ulitka na sklone” v svete folkloro i literatury. Available at: <http://www.rusf.ru/abs/rec/kalash03.htm> (accessed: 05.06. 2021).
5. Kurilskiy V., Murinskiy R., Rudman L. Kommentarii i primechaniya. In: Strugatskiy A. N., Strugatskiy B. N. *Polnoe sobranie sochineniy*. In: 33 vols. Vol. 11: 1967. Part 1. St. Petersburg: Izd-vo Sidorovich, 2018. Pp. 315–341.
6. Strugatskiy A. N., Strugatskiy B. N. *Polnoe sobranie sochineniy*. In 33 vols. Vol. 11: 1967. Part 1. St. Petersburg: Izd-vo Sidorovich, 2018. 352 p.
7. Bondarenko S. P., Kurilskiy V. M. (comps.) *Neizvestnye Strugatskie. Pisma. Rabochie dnevniky. 1963–1966 gg.* Kiev: NKP, 2009. 637 p.
8. Pushkin A. S. *Polnoe sobranie sochineniy*. In 10 vols. Moscow; Leningrad, 1949. Vol. 10. 349 p.
9. The Complete works of William Shakespeare. The Shakespeare Head Press, Oxford, ed., 2007. 1263 p.
10. Popova O. V. Motiv prevrashcheniya detey v lebedey i ego transformatsiya v “syuzhete o rozhdanii rytsarya s lebedem”. *Vestnik RGGU. Ser.: Istoriya. Filologiya. Kulturologiya. Vostokovedenie*. 2016, No. 2 (2), pp. 110–118.
11. Sumtsov N. Rytsar Lebed. In: Entsiklopedicheskiy slovar Brokgauza i Efrona. Available at: https://gufo.me/dict/brockhaus/Rytsar'_Lebed' (accessed: 05.06. 2021).
12. Vlasov S. V. Nekotorye frantsuzskie i italyanskie paralleli k “Skazke o tsare Saltane...” A. S. Pushkina vo “vseobshchey biblioteke Romanov” (bibliothèque universelle des romans) (1775–1789). *Mir russkogo slova*. 2013, No. 3, pp. 67–74.
13. Popova O. V. vospitanie geroya vo frantsuzskikh srednevekovykh poemakh o rytsare s lebedem. *Vestn. Udmurtskogo un-ta. Ser.: Istoriya i filologiya*. 2018, Vol. 28, No. 6, pp. 877–882.
14. Skalandis A. *Bratya Strugatskie*. Moscow: AST, 2008. 702 p.
15. Davis R. D., Yaszeh L. Reading Science Fiction’s Interdisciplinary Conversation with Science and Technology Studies. In: Reading Science Fiction. Ed. J. Gunn, M. S. Barr, M. Candelaria. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2009. Pp. 181–194.
16. Bederson V. D. Politicheskie soobshchestva v usloviyakh gorodskoy sredy: skvoz prizmu fantastiki (na primerakh romana “Grad obrechenny” i povesti “Gadkie lebedi” A. N. i B. N. Strugatskikh). *Vestn. Permskogo un-ta. Politologiya*. 2011, No. 1 (13), pp. 65–70.

Кузнецов Александр Викторович, аспирант второго курса Института филологии, Московский педагогический государственный университет

e-mail: kuzsasha110@yandex.ru

Kuznetsov Alexander V., PhD post-graduate student (Year 2), Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

e-mail: kuzsasha110@yandex.ru

*Статья поступила в редакцию 10.08.2021
The article was received on 10.08.2021*